

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДЕБНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА

Кучин Михаил Викторович

Доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург), e-mail: kutschin@mail.ru

Статья посвящена проблеме становления и развития судебного нормотворчества в международном праве. На основе анализа ключевых источников международного и европейского права, судебной практики ряда международных судебных учреждений, работ отечественных и зарубежных ученых, аналитических документов исследованы развитие идеи международного судебного нормотворчества и его современное состояние. Обосновывается вывод об объективном характере нормотворческой деятельности международных судов и их большой роли в развитии международного права.

Ключевые слова: судебное нормотворчество, судебный прецедент, международные суды, источники международного права

EVOLUTION OF INTERNATIONAL JUDICIAL RULE-MAKING

Kuchin Mikhail

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: kutschin@mail.ru

The article is devoted to the problem of formation and development of judicial rule-making in international law. The development of the idea of international judicial rule-making and its current state are investigated based on the analysis of the main sources of international and European law, the jurisprudence of a number of international judicial institutions, the works of domestic and foreign scientists, and analytical documents. The conclusion about the objective nature of the rule-making activity of international courts and their significant role in the development of international law is made.

Key words: judicial rule-making, judicial precedent, international courts, sources of international law

Судебное нормотворчество в международном праве непосредственно связано с развитием международных судебных учреждений. Первые упоминания о судах, разрешавших межгосударственные споры, встречаются в дошедших до нашего времени источниках, связанных с деятельностью правителей Египта и Вавилона. Широкое распространение международные третейские суды получили в Древней Греции, где с их помощью разрешались споры между греческими полисами. Известны случаи международных третейских разбирательств и в древнеримский период, и в эпоху Средневековья, и в более поздние времена.

Вместе с тем предмет деятельности таких судов во многом зависел от целей, преследуемых государствами, создавшими суд, и не всегда представлял собой именно разрешение спора в его обычном понимании. Так, «в конце XIX века были случаи поручения третейским судам составить обязательный для сторон регламент, установить текст конвенции, долженствующей быть заключенной между сторонами; в этих случаях суд должен был установить новые нормы для применения в будущем, в целом ряде отношений, и эти нормы по соглашению сторон, установленному в компро-

миссе, становились по их постановлению частью договорного права, существующего между сторонами... его решения были приговорами суда, обязательными для сторон, а не соглашениями представителей государств, нуждающимся в ратификации со стороны представленных на собрании государств, и эти решения постановлялись третейскими судьями»¹. Однако указанные случаи являлись все же исключением из правила, и третейские суды в процессе осуществления ими судопроизводства не создавали правовых норм. Это было обусловлено рядом причин.

Во-первых, полномочия у такого суда сохранялись лишь на период рассмотрения конкретного спора. Межгосударственные споры в третейских судах рассматривались нечасто. Каждый такой спор имел свои особенности, и вновь созданному для разрешения той или иной ситуации суду не принципиальны были мотивы, на основании которых выносили свои решения иные суды.

Во-вторых, в качестве судей в прежние времена обычно выступали либо сами правители, либо представители духовенства, либо высокопоставленные чиновники. В результате разрешение спора носило скорее религиозно-политический, нежели правовой характер.

В-третьих, решение третейского суда основывалось обычно на множестве неупорядоченных доказательств, предоставляемых сторонами спора. Среди них – местные обычаи, образцы мифологического поведения богов и героев, социальные нормы, получившие распространение в пределах конкретной местности, чувство справедливости, как его понимали судьи. Более того, при рассмотрении таких споров зачастую смешивались частноправовые и межгосударственные аспекты. Нередко разрешение споров осуществлялось при помощи норм, установленных наиболее значимым государством. Так, в Древней Греции право Афинского государства использовалось для разрешения споров между полисами. Римские императоры или сенат, выступая в качестве третейского судьи, всегда обращались именно к римскому праву. В период Средневековья ведущую роль в разрешении межгосударственных споров играло каноническое право. Папы как представители римско-католической церкви «неоднократно брали на себя роль третейских судей и разрешали споры между различными европейскими королями, между германским императором и имперскими городами и чинами, между вассалами и их сюзеренами»². «При этом не существовало никаких определенных правил для руководства самих судей: все было шатко и субъективно»³. Это приводило в некоторых случаях к принятию решений без указания в них каких-либо правовых оснований.

Часто суд, рассматривая межгосударственный спор, стремился не к разрешению его на основе права, а к достижению политического согласия спорящих сторон. Данный аспект выделял М. А. Циммерман: «В международных отношениях единственной формой суда был до последнего времени третейский суд, и задачи его – прежде всего применение материальной нормы права, нашедшей свое выражение в договоре, или в обычае. Однако этот основной момент всякого правильного судопроизводства упорно игнорировался международной практикой, которая даже в решениях Гаагской Палаты сознательно оставляла в стороне действующее право и старалась избежать в своих третейских решениях как правового обоснования, так и юридической мотивировки (дело Калифорнийских учреждений 1902 года, дело

¹ Голубев Н. Н. Международные третейские суды XIX века. Очерки теории и практики. М., 1903. С. 92.

² Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 68.

³ Камаровский Л. А. О международном суде. М., 2007. С. 99.

о рыбной ловле около побережья Лабрадора и Ньюфаундленда 1910 года, дело Саваркара 1911 года и т. д.). В этом отношении наблюдалось очень сильное регрессивное движение, и практика последних десятилетий приводила к тому, что можно было сомневаться в дальнейшем развитии международного суда и можно было думать, что посредничество в новой скрытой форме будет единственным способом разрешения международных конфликтов»¹.

Таким образом, особенность деятельности третейских судов того периода заключалась в отсутствии международно-правовой основы разрешения споров, как мы ее понимаем сегодня, что исключает основания для заявлений о нормотворческой деятельности международных судов, как минимум, до начала XX в., ознаменовавшегося созданием постоянно действующих международных судов. При этом неправильно полностью отрицать то значение, которое оказали международные третейские суды на формирование права. Так, возросшее число международных третейских разбирательств в XIX в. способствовало выработке общих начал третейской процедуры. Однако здесь мы можем говорить скорее об обычно-правовой природе таких норм, нежели о судебном прецеденте.

Благодаря активному применению судебного механизма для разрешения межгосударственных споров в XIX в. возрос научный интерес к проблеме источников международного права и возможности включения в их число решений международных судов². В «компромиссах», предусматривающих создание третейских судов, в тот период широко использовалась формулировка о том, что решение должно выноситься «в соответствии с принципами международного права, а также с практикой и правом, применяемым подобными же судами, пользующимися высоким авторитетом»³.

Л. А. Камаровский относил решения международных судов к прямым формам положительного международного права, «которые непосредственно высказывают международное право как совокупность обязательных для государств юридических норм»⁴. В. А. Уляницкий также указывал на необходимость развития вследствие неполноты международных норм творческой деятельности со стороны судебной международной практики⁵. Решения судов, имеющих международное значение, включал в число источников международного права Н. А. Захаров⁶. В 1910 г. профессор Парижского университета А. Вейсс, занимавший впоследствии (1922–1928 гг.) должность судьи Постоянной палаты международного правосудия, высказывал мнение о том, что ввиду отсутствия законодательной власти в международных отношениях нужно, чтобы решениями третейских судов устанавливались юридические нормы, не уступающие *jus scriptum*, писаному праву⁷. Однако в доктрине эти взгляды обычно увязывались с перспективой возникновения постоянно действующего международного суда.

¹ Циммерман М. А. Очерки нового международного права. Прага, 1924. С. 302.

² Pradier-Fodere P. Traité de droit international public européen et américain. P., 1885–906; Fiore P. Le droit international codifié et sa sanction juridique. P., 1890.

³ Хадсон М. О. Международные суды в прошлом и будущем. М., 1947. С. 145.

⁴ Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. М., 1895. С. 105.

⁵ Уляницкий В. А. Международное право // Золотой фонд российской науки международного права: в 3 т. М., 2010. Т. 3. С. 35.

⁶ Захаров Н. А. Курс общего международного права. Пг., 1917. С. 35.

⁷ Weiss A. L'Arbitrage de 1909 entre la Bolivie et le Pérou // Revue générale de droit international public. 1910. Vol. 17. P. 106.

Формирование и деятельность Постоянной палаты международного правосудия, учрежденной в 1920 г. под эгидой Лиги Наций, вывели вопрос о международном судебном нормотворчестве на новый уровень. Еще в 1918 г. в ходе дискуссий, связанных с созданием Палаты, П. Г. Виноградов высказывал идею о том, что если государства будут обращаться в суд с требованиями, основанными не на кодифицированных правилах или соглашениях, а на общих принципах справедливости, то суд мог бы прибегать в данных случаях не только к логическому расширению принципов, признанных существующими нормами, но и к соображениям справедливости (*equity*); «решения подобного рода могут, в конце концов, привести к формированию ведущих принципов, подобных нормам общего права...»¹.

Что же касается решений ранее действовавших международных третейских судов и арбитражей, то после создания Палаты в доктрине стала проявляться тенденция к полному отказу от их использования в деятельности Палаты. «Вместо отдельных случайных решений, неизбежно противоречивых, хотя бы вследствие постоянной смены личного состава, – отмечал М. А. Циммерман, – для международного суда нужна определенная система преюдиций, которые в одних случаях дополняли бы действующее право, в других случаях его бы реформировали. Нет другой области права, где так сильно чувствовались бы пробелы, неясности и противоречия, как в области международной... сейчас истолкование... договоров должно быть одной из функций новой Постоянной Палаты, и ясно, что толкование во всех случаях должно быть однородным и должно исходить из правовых, а не политических мотивов. Для такой задачи нужна постоянная однородная коллегия юристов, пользующаяся бесспорным международным авторитетом, а не случайные собрания, деятельность которых ограничивается несколькими месяцами и затем кончается навсегда»². При этом автор, характеризуя юридическую природу Постоянной палаты международного правосудия, непосредственно указывал на ее нормотворческие возможности: «Международный суд, однако, обладает возможностью... применять действующее право, или дополнять его, руководствуясь общими принципами права, или даже видоизменять его, присоединяясь к мнению доктрины, которая может отвергать установившийся обычай и существующие прецеденты»³. Ж. Ссель прямо называл решения суда источником международного права⁴.

Позиция самой Палаты по данному вопросу была обозначена в деле о реадaptации палестинских концессий Мавромматиса. В частности, в решении по делу от 10 октября 1927 г. отмечалось, что у Палаты «нет причин отклоняться от той конструкции, которая построена на предыдущих решениях, если Палата считает аргументацию, лежащую в основе решений, разумной»⁵.

При этом при характеристике нормотворческой деятельности Палаты исследователи того периода обоснованно утверждали, что недопустимо смешивать обязательный характер решений и юридическую силу выработанных правоположений, на которые опирался суд при вынесении этих решений. Так, У. Э. Беккет, анализируя

¹ Виноградов П. Г. Правовой и политический аспекты Лиги Наций // Россия на распутье: историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 473.

² Циммерман М. А. Указ. соч. С. 301.

³ Там же. С. 305.

⁴ Scelle G. Essai sur les sources formelles du droit international // Recueil d'études sur les sources du droit en l'honneur de Francois Geny. Sirey, 1935 [reprint 1977]. Т. III. P. 426.

⁵ Case of the Readaptation of the Mavrommatis Jerusalem Concessions (jurisdiction), *Greece v. United Kingdom*, Judgment № 10, Series A, № 11 (PCIJ, Oct. 10, 1927).

ст. 59 Статута Палаты, в соответствии с которой решение суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу, указывал, что эта статья относится к самому решению в противоположность тем правовым принципам, на которых оно основано¹. «Согласно Статуту Постоянной палаты международного правосудия, – писал М. О. Хадсон, занимавший должность судьи Палаты в 1931–1945 гг., – решение имеет обязательное значение только для сторон и в отношении данного конкретного дела. Это положение представляет собой признание важного принципа *res judicata* или *chose jugée*, однако оно не мешает Палате основывать свои решения на прецедентах, выработанных в ее собственной практике»². При этом, как подчеркивал автор, задача Палаты «заключается не в применении обычаев, общих принципов права и судебных прецедентов, а в извлечении из этих источников принципов, которые Палата могла бы применить»³. Данные «принципы» и являются результатом нормотворческой деятельности Палаты.

Следует также отметить, что все акты, принимаемые Палатой по каждому делу, подлежали обязательному опубликованию на двух языках и рассылке всем государствам, имеющим право обращения к Палате.

Постоянная палата международного правосудия в большинстве дел обращалась к правовоположениям, выработанным ею и изложенным в ранее принятых решениях и консультативных заключениях, как к источнику норм, на основании которых разрешались споры. «Практика Постоянной палаты международного правосудия, – утверждал М. О. Хадсон, – является ныне одним из авторитетных источников международного права»⁴. Г. Лаутерпахт, на наш взгляд, наиболее четко обосновал право Палаты следовать своим прецедентам: «Суд следует своим собственным решениям по тем же причинам, по которым все суды, связанные или не связанные доктриной прецедента, делают это, в частности, потому что такие решения являются хранилищем правового опыта, которого следует придерживаться; потому что они отражают то, что Суд полагает правом; потому что уважение к решениям, вынесенным в прошлом, способствуют преемственности и стабильности, которые являются сущностью правильного отправления правосудия»⁵.

Правовоположения, выработанные Палатой, стали важным вкладом в развитие международного права. По мнению М. О. Хадсона, «с созданием Постоянной палаты международного правосудия возникла возможность накопления единой совокупности норм прецедентного права, и практика Палаты сделала в этом направлении многообещающий шаг»⁶. Результаты деятельности Палаты, активно применявшиеся при осуществлении международного правосудия как самой Палатой, так и иными, созданными впоследствии международными судами, свидетельствуют об использовании на практике прецедента в качестве основания вынесения судебных решений, что подтверждает его значение как источника международного права.

¹ *Beckett W.-E.* Les questions d'intérêt général au point de vue juridique dans la jurisprudence de la Cour permanente de justice internationale // *Recueil de Cours. Collected courses of the Hague academy of international law.* 1932. Vol. 39. T. I. P. 141.

² *Хадсон М. О.* Указ. соч. С. 175.

³ Там же. С. 147.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ *Lauterpacht H.* The Development of International Law by the Permanent Court of International Justice. L., 1934. P. 8.

⁶ *Хадсон М. О.* Указ. соч. С. 323.

При формировании Международного суда ООН как преемника Постоянной палаты международного правосудия обсуждению подверглась и ст. 59 Статута Палаты как ограничивающая возможность создания Судом прецедентов. Однако еще в 1944 г. Межсоюзнический комитет по будущему Постоянной палаты международного правосудия, основываясь на предшествующем опыте Палаты, подготовил и опубликовал доклад, в котором изложил и позицию по ст. 59, указав, что ее содержание «означает не то, что решения Суда не обладают эффектом прецедентов для Суда или для международного права в целом, но то, что они не обладают обязывающей силой конкретных решений в отношениях между государствами, которые являются сторонами Статута... [Это] ни в коем случае не препятствует Суду рассматривать свои собственные решения как прецеденты»¹. Данный подход фактически отражал позицию создателей Суда по данному вопросу, забытую впоследствии.

После официального роспуска 17 апреля 1946 г. Постоянной палаты международного правосудия (Резолюция Лиги Наций А.35.1946)² и начала деятельности Международного суда ООН, первое публичное заседание которого состоялось 18 апреля 1946 г., в науке стал актуальным вопрос о значении принимаемых им судебных актов для развития международного права. Мнения ученых по данному вопросу не отличались единством. Так, согласно утверждению Г. Кельзена «решения Суда не могут иметь характера прецедента»³. По мнению А. Фердросса, «судебное решение не может никогда опираться исключительно на отдельные предшествующие решения или доктрину. Оно может использовать предшествующее решение и доктрину с тем, чтобы установить еще недостаточно ясную норму международного права. Таким образом, судебная практика и доктрина не являются самостоятельными источниками международного права...»⁴. Г. Шварценбергер, представитель английской международно-правовой науки, исходил из того, что «решения международных судов и трибуналов не имеют силы прецедентов в буквальном смысле английского права... значение, которое международные решения могут иметь, носит чисто убеждающий характер»⁵. «Позитивное право, – писал П. Веллас, – не признает нормативную власть международной юриспруденции...»⁶. Ф. Капоторти, отрицая возможность признания решений Суда источником международного права в силу отсутствия прямого на то указания в тексте Устава ООН и Статута, констатирует: «...за практикой Суда остается только функция интерпретации норм права, применимых в том или ином деле»⁷.

В советской правовой науке также получила широкое распространение точка зрения, категорически отвергающая возможность как Постоянной палаты международного правосудия, так и Международного суда ООН создавать нормы права⁸. Так,

¹ Report of the Inter-Allied Committee on the Future of the Permanent Court of International Justice, 10 February 1944 // British Parliamentary Papers. 1944.

² Official Journal of the League of Nations. 1946. Special supplement. № 194. P. 100.

³ Kelsen H. Principles of International Law. N. Y., 1952. P. 394.

⁴ Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 164–165.

⁵ Schwarzenberger G. A Manual of International Law. 5th ed. L., 1967. P. 255.

⁶ Vellas P. Droit international public. P., 1970. P. 21.

⁷ Capotorti F. Cours general de droit international public // Recueil de Cours. Collected courses of the Hague academy of international law 1994-IV. Dordrecht; Boston; L., 1995. T. 248. P. 123–124.

⁸ Полянский Н. Н. Международный Суд. М., 1951; Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. М., 1958; Перетерский И. С. Толкование международных договоров. М., 1959; Лукин П. И. Источники международного права. М., 1960; Курс международного права: в 6 т. М., 1967. Т. 1.; Тункин Г. И.

по утверждению И. С. Перетерского, «было бы необоснованным использование решений Палаты в качестве имеющих юридическую силу прецедентов для разрешения аналогичных дел другими органами... Нужно подчеркнуть, что это относится, в частности, к Международному Суду ООН, который является новым судом. Поэтому Международный Суд ни в какой степени не может быть признан связанным взглядами, выработанными покончившей свое существование Палатой»¹. Однако данная позиция показала свою нежизнеспособность.

Среди тех, кто придерживался иных взглядов, можно выделить таких известных юристов, как А. Нуссбаум, Г. Лаутерпахт, Дж. Фицморис, О'Коннелл и др. А. Нуссбаум, комментируя п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН, заявлял: «Это четырехстороннее направление, которое принято Уставом Организации Объединенных Наций для новой Международной палаты правосудия, дает возможность Палате заполнить зияющую дыру в праве народов в каждом отдельном случае, а значит, для практических целей дает возможность создавать новые правила»². По словам Г. Лаутерпахта, международные суды констатируют, что есть право, их решения выступают свидетельством существования нормы права. «Это не означает, что они не являются фактически источниками международного права. Дело в том, что различие между свидетельством и источником многих норм права является более надуманным и не столь четким, чем обычно думают... Поскольку они показывают, каковы нормы международного права, они в значительной мере идентичны им»³. Особое значение международных судов в процессе создания норм международного права подчеркивал Дж. Фицморис: «Международное сообщество находится... в особой зависимости от международных судов в деле развития и уточнения права и придания ему более основательной силы, чем та, которая может основываться на часто различной и неопределенной практике государств или на мнениях отдельных авторов, каков бы ни был их авторитет»⁴. С позиций признания судебного нормотворчества выступал О'Коннелл: «...роль судьи в системе международного права подобна роли судьи в системе общего права, где он занимает главное место в формулировании общих принципов, в их применении и изменении путем ссылок на соответствующее стечение обстоятельств, в их расширении путем аналогии и выводов из принятой гипотезы»⁵.

Следует отметить также позицию некоторых ученых, не признающих судебные решения в качестве источников права, но, вместе с тем, не отвергающих самой возможности международных судов создавать нормы права. Так, Л. Оппенгейм отмечал: «Весьма вероятно, что ввиду трудностей, возникающих при кодификации международного права, международные суды в будущем будут выполнять – незаметно, но эффективно – значительную часть задачи развития международного права»⁶. «В отличие от доктрины и несмотря на постановление ст. 38, – пишут Нгуен Куок Дин, П. Дайе, А. Пелле, – судебные решения могут создавать прецеденты, генерирующие

Теория международного права. М., 1970; Курс международного права. М., 1972; Курс международного права: в 7 т. М., 1989. Т. 1.

¹ Перетерский И. С. Указ. соч. С. 69.

² Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations. N. Y., 1947. P. 267.

³ Lauterpacht H. The Development of International Law by the International Court. L., 1958. P. 21.

⁴ Fitzmaurice D. Hersch Lauterpacht «The Scholar as Judge» // British Yearbook of International Law 1961. 1962. Vol. 37. P. 14.

⁵ O'Connell D. P. International Law. L., 1965. Vol. 1. P. 28.

⁶ Оппенгейм Л. Международное право: в 2 т. М., 1948. Т. 1. Полут. 1. С. 50.

обычные нормы, и таким образом непосредственно участвовать в процессе создания норм права»¹.

Вместе с тем в современной западной науке расширяется круг сторонников признания международного судебного нормотворчества. «Показательно, – отмечает В. Г. Буткевич, – что даже те, кто отрицал за судебными решениями признаки источников права (А. Фердросс, Г. Шварценбергер, Г. Лаутерпахт и др.), впоследствии изменили свое мнение... А. Фердросс в конце 50-х годов утверждал, что судебное решение не может базироваться на предыдущем судебном решении. После избрания его судьей Европейского Суда по правам человека он изменил свою позицию на противоположную. Г. Шварценбергер также изменил свою позицию от утверждения, что „решения международных судов имеют лишь убеждающий характер“, к утверждению, что такие решения являются обязательными с правовой точки зрения источниками международного права»².

Влияние судебной практики как на принятие решений Международным судом ООН, так и в целом на процесс создания норм международного права признается и представителями отечественной науки. «Решения Суда, которые соответствуют международному праву и тенденциям его развития, – писал Г. И. Тункин, – приобретают значительный вес, и на них нередко ссылаются»³. Такие ссылки на судебные решения объясняются фактом наличия в них норм права, но, как правило, происхождение этих норм не связывают с деятельностью Суда. «Важная роль международных судов состоит в том, чтобы подметить в разнообразной практике государств международный обычай, иногда выразить его в форме международно-правового принципа...»⁴. По утверждению Г. И. Тункина, «решения Международного суда входят в процесс нормообразования как часть международной практики в том, что касается констатации наличия норм международного права или их толкования»⁵.

В изданном в 1986 г. Дипломатической академией МИД СССР «Словаре международного права» также указывается на то, что «международная судебная практика, создавая прецеденты, может подтверждать существующие международно-правовые нормы или способствовать созданию новых»⁶. Данный подход распространен и в современной отечественной доктрине международного права. При этом в последние годы в литературе наблюдается тенденция к развитию указанной позиции. Например, по словам А. Я. Капустина, «практика Международного суда ООН показывает, что Суд демонстрирует определенную тенденцию применять юридические правила, сформулированные им самим, что он ссылается на них, выводя их из общих принципов права и из конвенционной или обычно-правовой межгосударственной практики»⁷. Р. А. Каламкарян также обращает внимание на то, что решения Международного суда ООН выступают «в ряде случаев (при наличии соответствующих обстоятельств) – в качестве прецедентов при урегулировании аналогичных споров»⁸.

¹ *Dinh Nguyen Quoc, Dailler P., Pellet A.* Droit international public. P., 1980. P. 344.

² *Буткевич В. Г., Мицик В. В., Задорожний О. В.* Міжнародне право. Основи теорії. Київ, 2002. С. 135.

³ Курс международного права: в 7 т. М., 1989. Т. 1. С. 217.

⁴ Курс международного права: в 6 т. М., 1967. Т. 1. С. 195.

⁵ *Тункин Г. И.* Теория международного права. М., 2009. С. 163.

⁶ Словарь международного права. М., 1986. С. 357.

⁷ *Капустин А. Я.* Организация Объединенных Наций и развитие современного международного права (к 60-летию ООН) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2005. № 2. С. 91.

⁸ *Каламкарян Р. А.* Международный суд в миропорядке на основе господства права. М., 2012. С. 218.

Большинство взглядов на рассматриваемую проблему было сформировано в отечественной науке международного права в 50–70-е гг. XX в., т. е. в период, когда международные суды еще находились в начале своего развития, и поэтому их вряд ли можно признать полностью объективными применительно к современным условиям. Немаловажным аспектом, обусловившим развитие в науке подходов, исключавших иную оценку значения деятельности международных судебных органов, стала и политическая ситуация в мире, связанная с наличием противоборствующих идеологических систем. По мнению судьи Международного суда ООН (1995–2006 гг.) В. С. Верещетина, «неуверенность в объективности решений, принимаемых классово чуждым большинством членов Суда, служила одной из причин негативного отношения к Суду в прошлом»¹. В обстановке такого недоверия признание юридической обязательности правоположений, сформулированных судьями, представлявшими буржуазную юридическую науку, чуждую социалистическому мировоззрению, представлялось недопустимым. Однако сегодня определение роли международных судебных органов в создании международного права с позиции советской идеологии видится неприемлемым. Тем не менее приходится констатировать, что указанный подход поддерживается и в настоящее время рядом юристов-международников. Так, по мнению С. В. Черниченко, «...следует дать однозначный ответ: Международный Суд правотворчеством не занимается. Любые попытки обосновать возможность правотворческой деятельности Суда направлены на отход от Статута и Устава ООН, частью которого Статут является»².

Вместе с тем как в науке, так и на практике мы можем наблюдать (особенно в последние десятилетия) проявление тенденции, связанной с признанием большого вклада Международного суда ООН в нормотворческой сфере. «Хорошо известна роль Суда, – отмечает В. С. Верещетин, – в формировании ряда принципов делимитации территориального моря, континентального шельфа и исключительной экономической зоны, принципов, которые нашли свое закрепление в соответствующих конвенциях по морскому праву»³. С позиций признания судебного нормотворчества в международном праве выступает и К. А. Бекашев, высказывающий мнение о том, что «нормы международного права развиваются, уточняются и конкретизируются Международным судом ООН и другими судебными учреждениями»⁴.

Формирование Международным судом ООН прецедентного права признается как самим Судом, так и иными органами системы ООН. В частности, в мотивировочной части решений и консультативных заключений Суд регулярно ссылается на выводы, изложенные в своих прежних решениях, как на прецеденты, служащие нормативной основой для разрешения спора. Применительно к своим решениям и решениям Постоянной палаты международного правосудия Судом используется термин «прецедентное право»⁵. Обращение в последующем к выработанному Судом положению,

¹ Верещетин В. С. Международный суд ООН на новом этапе // Москов. журн. междунар. права. 2002. № 2. С. 74.

² Черниченко С. В. Теория международного права: в 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М., 1999. С. 24.

³ Верещетин В. С. Указ. соч. С. 76.

⁴ Бекашев К. А. Правотворчество в международном праве // Lex Russica. 2004. № 3. С. 788.

⁵ См., например: решения Международного суда ООН от 5 октября 2016 г. по делу «Обязательства, касающиеся переговоров, связанных с прекращением гонки ядерных вооружений и ядерным разоружением (Маршалловы острова против Индии)» (п. 34); от 17 марта 2016 г. по делу «Предполагаемые нарушения суверенных прав и морских пространств в Карибском море (Никарагуа против Колумбии)» (п. 50); от 1 апреля

закрепленному в принятых им актах, воспринимается как ссылка на норму международного права. На данные положения государства часто ссылаются, отстаивая свои интересы как в Международном суде, так и в различных международных структурах. При этом представители государств обычно уверены в том, что Международный суд должен следовать своим прежним решениям.

Термин «прецедентное право Международного Суда» достаточно распространен в рамках ООН и используется в различных официальных документах, принимаемых органами, входящими в структуру организации.

Практика отсылок к прежним судебным решениям, носящим прецедентный характер, существует и в деятельности таких международных судебных учреждений, как Международный трибунал по морскому праву, ОРС ВТО, Международный трибунал по бывшей Югославии и др.

Еще более ярко нормотворческая функция проявляется в деятельности некоторых региональных судов. Среди них особое место занимает Суд Европейского союза. В отличие от Статута Международного суда ООН договоры о создании Европейских сообществ не закрепили перечня источников, применяемых данным судебным органом при рассмотрении споров. В соответствии со ст. 164 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС), ст. 31 Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и ст. 136 Договора об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) на Суд возлагается общая задача по обеспечению сохранения единообразия права Сообщества при толковании и применении названных договоров. В настоящее время данное положение закреплено в ст. 19 Договора о Европейском союзе, согласно которой Суд «обеспечивает соблюдение права в ходе толкования и применения Договоров».

Выполнение данной задачи потребовало весьма широких полномочий Суда ЕС. При этом в ряде случаев итогом такой деятельности являются создание, изменение либо прекращение действия норм права. В связи с этим обоснованным представляется утверждение М. Н. Марченко о том, что Европейский суд выступает одновременно в «трех лицах» и «исходящие от него акты толкования в силу своего нормативного и строго обязательного для всех институтов, имеющих дело с правом Европейского союза, содержания являются не только актами толкователя этого права, но и актами правотворца, законодателя»¹.

В соответствии со ст. 263 Договора о функционировании Европейского союза в компетенцию Суда входит осуществление контроля правомерности актов, принимаемых институтами, органами и учреждениями ЕС. При этом под правомерностью понимается соответствие правовых актов Европейского союза как учредительным документам (договорам) и другим источникам, обладающим в отношении данных актов более высокой юридической силой (например, соответствие делегированных или исполнительных актов Комиссии законодательным актам Европейского парламента и Совета), так и общим принципам права.

Другой прерогативой Суда является его право на толкование договоров и актов институтов, органов или учреждений Союза. Толкование осуществляется Судом ЕС как в ходе рассмотрения иска, так и при принятии решения в преюдициальном порядке

2011 г. по делу «О применении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Грузия против России)» (п. 30); от 6 июля 2010 г. по делу «Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии)» (п. 23).

¹ Марченко М. Н. Европейский союз и его судебная система. М., 2014. С. 133–134.

по запросу какого-либо национального суда. Данные полномочия Суда закреплены в ст. 267 Договора о функционировании ЕС, согласно которой Суд Европейского союза полномочен выносить решения в преюдициальном порядке о толковании Договоров, действительности и толковании актов институтов, органов или учреждений Союза. Когда подобный вопрос ставится перед юрисдикционным органом государства-члена, то данный орган, если считает, что постановление по этому вопросу необходимо ему для разрешения дела по существу, может обратиться к Суду Европейского союза с запросом о вынесении такого постановления. Когда упомянутый вопрос ставится в деле, находящемся на рассмотрении в национальном юрисдикционном органе, решения которого, согласно внутреннему праву, не подлежат судебному обжалованию, данный орган обязан обратиться в Суд Европейского союза. «При этом национальный суд в своем решении следует за предварительным решением Суда европейских сообществ прежде всего потому, что у него нет и не может быть другого такого правового основания для решения»¹.

Такие предварительные решения Суда ЕС воспринимаются национальными судами в качестве правовых актов, которым они обязаны следовать во всех случаях, когда возникает аналогичный вопрос. Важность данной функции Суда ЕС подчеркнута в подготовленном в 2000 г. докладе Рабочей группы по будущему судебной системы европейских сообществ, в котором преюдициальная процедура названа «краеугольным камнем коммунитарного правопорядка», «наиболее эффективным средством обеспечения единообразного применения коммунитарного права», «исключительным фактором интеграции»².

Практика Суда ЕС показывает, что в некоторых случаях Суд весьма расширительно толкует положения учредительных договоров, создавая, по сути, новые нормы. Такая вольная интерпретация положений европейских договоров зачастую используется Судом для того, чтобы закрепить те или иные полномочия за каким-либо из органов ЕС, которые учредительными актами не предусматривались. В деле C-70/88 «*European Parliament v. Council*» (1990 г.) Суд фактически расширил полномочия Парламента, признав за ним право подачи исков об аннулировании актов Совета или Комиссии в соответствии с § 2 ст. 146 Договора об учреждении Евратома, несмотря на то что данная статья содержит исчерпывающий перечень истцов, к которым относятся государства-члены, Совет и Комиссия ЕС.

Новые нормы и принципы, регулирующие взаимоотношения государств-участников ЕС, устанавливаются Судом также при наличии пробела в праве. В законодательстве большинства государств отсутствует норма, закрепляющая приоритет европейского права перед внутригосударственным. Суд ЕС восполнил этот пробел, установив в ряде своих решений принцип прямого действия и приоритета права Сообществ на территории государств-членов³. Сегодня данный принцип является основополагающим в вопросе соотношения коммунитарного и национального права. Приверженность принципу верховенства, как его сформулировал Суд, государства-члены подтвердили в Декларации о примате № 17 к Заключительному акту 2007/С 306/02 Межправительственной конференции 2007 г. Текст Декларации гласит: «Конференция напоминает, что согласно устойчивой судебной практике

¹ Топорнин Б. Н. Европейское право. М., 1998. С. 423.

² Толстых В. Л. Международные суды и их практика. М., 2015. С. 417.

³ Case 26/62 «*Van Gend en Loos v Administratie der Belastingen*»; case 6/64 «*Costa v. ENEL*»; case 11/70 «*Internationale Handelsgesellschaft*».

Суда Европейского союза Договоры и право, создаваемое Союзом на основании Договоров, обладают приматом над правом государств-членов на условиях, определенных упомянутой судебной практикой¹. Суду принадлежит роль создателя и таких важнейших принципов в системе права Союза, как принцип правового единства ЕС, принцип автономии правового порядка ЕС и др.

Примером создания иного рода норм может служить постановление от 17 декабря 1980 г. по делу 149/79 «*Commission v. Belgium*». В нем сформулировано определение государственной службы, которому отныне, вне зависимости от положений внутригосударственного законодательства, должны следовать национальные суды стран-участников ЕС.

Суд ЕС при рассмотрении дел, касающихся невыполнения государством-членом своих обязательств, вправе высказываться по поводу соответствия национально-го права праву Союза. Хотя Суд и не обладает непосредственным правом отменять внутригосударственные нормативные акты, он «компетентен указать государству на необходимость отменить противоречащий закон исходя из соображения его несоответствия положениям интеграционного права»². Так, в постановлении от 12 июля 1973 г. по делу 70/72 «*Commission v. Germany*» Суд обратил внимание государств-членов на то, что в их обязанности входит отмена национальных нормативных актов, противоречащих праву Сообществ. Он добавил также, что постановление об отмене должно иметь обратную силу. В решении от 14 декабря 1982 г. по объединенным делам 314-316/81 и 83/82 «*Procureur de la République v. Waterkeyn*» Суд указал, что если он приходит к заключению о том, что национальное законодательство противоречит праву сообществ, это порождает обязанность у соответствующего государства-члена внести в него необходимые изменения. При этом в случае непринятия государством мер, указанных в решении, Суд в соответствии со ст. 260 Договора о функционировании ЕС может возложить на это государство обязанность по уплате фиксированной суммы или пени.

Признание за решениями Суда ЕС общего нормативного характера сегодня не вызывает сомнения ни у западных, ни у отечественных ученых³. Решения Суда по конкретным делам, как затрагивающие вопросы толкования норм права Сообществ, так и формулирующие новые нормы, признаются источниками права ЕС, которые связывают и спорящие стороны, и все иные государства-члены. Данные решения служат прецедентом для национальных судебных органов. Сегодня все чаще звучат заявления о том, что прецедентное право в Сообществах «соответствует принципу

¹ Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. 2007 // СПС «КонсультантПлюс».

² Клемин А. В. Европейский союз и государства-участники: взаимодействие правовых порядков (практика ФРГ). Казань, 1996. С. 136–137.

³ Boulouis J. Droit institutionnel des Communautés européennes. P., 1984. P. 126–127; Lasok D., Bridge J. W. Introduction to the Law and Institutions of the European Communities. L., 1982. P. 48; Derlen M., Lindholm J. Characteristics of Precedent: The Case Law of the European Court of Justice in three Dimensions // German Law Journal. 2015. Vol. 16. № 5. P. 1073–1098; Jacob M. Precedents and Case-based Reasoning in the European Court of Justice: Unfinished Business. Cambridge, 2014; The Role and Future of the European Court of Justice / ed. by S. Hadley. L., 1996; Европейское право / под ред. А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. М., 2015. С. 26; Интеграционное правосудие: сущность и перспективы / отв. ред. С. Ю. Кашкин, М., 2014. С. 18–21; Исполинов А. С. Прецедент в практике Суда Европейского Союза // Междунар. правосудие. 2016. № 3. С. 64–77; Капустин А. Я. Европейский Союз: интеграция и право. М., 2000. С. 315–316; Клемин А. В. Указ. соч. С. 13; Марченко М. Н. Указ. соч. С. 124–139; Энтин М. Л. Суд европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987. С. 36.

господства права»¹. Национальный суд не может игнорировать решения Суда ЕС и должен разрешать споры, опираясь на его позицию. Сам Суд ЕС обычно следует ранее принятым решениям, но практика знает и примеры отступления Суда от созданного им прецедента².

Большое значение в формировании международных стандартов прав человека принадлежит специализированным региональным судам в области прав человека. За годы своей деятельности Европейским Судом по правам человека и Межамериканским судом по правам человека сформированы самостоятельные системы прецедентного права, признаваемые государствами. По аналогичному пути идет Африканский суд по правам человека и народов, начавший рассматривать дела с 2006 г.

Феномен прецедентного права известен и такому международному судебному учреждению, как Экономический суд СНГ, созданному на основании Соглашения о статусе Экономического суда Содружества Независимых Государств от 6 июля 1992 г. В отличие от рассмотренных выше международных судебных органов, документы, регламентирующие деятельность Экономического суда СНГ, прямо указывают на право Суда создавать прецеденты. Прежде всего это вытекает из утвержденного названным Соглашением Положения об Экономическом суде Содружества Независимых Государств, в соответствии с которым Экономический суд не может отказаться от разрешения спора за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права (п. 3). Данное положение получило свое развитие в Регламенте Экономического суда СНГ, утвержденном постановлением Пленума данного Суда 10 июля 1997 г.³ Согласно п. 29 Регламента коллегии Экономического суда рассматривают дела и разрешают споры на основе норм материального права, применяя, наряду с актами органов и институтов Содружества, международными договорами, обычаями, общепризнанными принципами международного права, общими принципами права, признанными в государствах-участниках Содружества, и такие источники, как постановления Пленума и иные решения Экономического суда, носящие прецедентный характер. При этом в п. 97 Регламента отмечается, что решение коллегии Экономического суда может носить прецедентный характер как для государств-участников Соглашения о статусе Экономического суда, так и для органов и институтов Содружества.

Эти положения находят подтверждение на практике. В качестве примера можно привести решение Экономического суда от 3 октября 1996 г. по делу № С-1/15-96, которое гласит: «...в соответствии с решениями Экономического Суда Содружества Независимых Государств № 03/94 от 14.12.1994 г. „О ненадлежащем выполнении Правительством Республики Казахстан Соглашения от 09.02.1992 г.“ и № 04/95 от 30.03.1995 г. „О ненадлежащем выполнении Правительством Республики Казахстан Соглашения от 04.08.1993 г. и погашении им задолженности Республике Беларусь“, обязательства, принятые хозяйствующими субъектами и территориальными образованиями в развитие межправительственных соглашений и согласованные на уровне правительств, рассматриваются как обязательства данных правительств. Поскольку в соответствии с Регламентом Экономического Суда Содружества Независимых Государств Экономический Суд вправе при вынесении решений использовать общепризнанные прин-

¹ *Топорнин Б. Н.* Указ. соч. С. 410.

² *Хартли Т. К.* Основы права Европейского сообщества. М., 1998. С. 87–88.

³ Действовавший ранее Регламент Экономического суда СНГ от 5 июля 1994 г. содержал аналогичные положения.

ципы международного права (а данные принципы допускают использование в качестве источника международного права и решения международных судов, принятые в соответствии с их компетенцией), указанные выше решения Экономического Суда как носящие прецедентный характер могут быть использованы в целях разрешения данного спора между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан».

На необходимость следования выводам Экономического суда СНГ обращает внимание Министерство путей сообщения РФ в распоряжении от 4 марта 2003 г. № 01-1/5-02 «О решении Экономического Суда Содружества Независимых Государств».

Национальные суды также ссылаются в своей деятельности на созданные Экономическим судом СНГ прецеденты. Так, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса», разъясняя порядок отнесения на убытки расходов по конвертации национальных валют при уплате госпошлины в рублях при рассмотрении хозяйственных споров между лицами государств-участников СНГ, сослался на решение Экономического суда СНГ от 7 февраля 1996 г. № 10/95 С1/3-96 как на основополагающий акт по данному вопросу.

Деятельность Экономического суда СНГ в контексте рассматриваемой проблемы представляет особый интерес. Во-первых, этот судебный орган создан государствами (в том числе Российской Федерацией), официально не признававшими прецедент в качестве источника ни во внутригосударственном, ни в международном праве. Однако практика показывает, что потребность в судебном прецеденте существует. Более того, он просто необходим по причине несовершенства норм, регламентирующих отношения в рамках СНГ. Во-вторых, государства признали, что решение Экономического суда может служить в качестве прецедента для национальных судов. Тем самым констатируется, что суд должен следовать прецедентной норме, как и любой иной норме международного права. Косвенным подтверждением признания решений Суда в качестве нормативного регулятора является их включение в Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств, созданный в соответствии с Положением, утвержденным Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 15 сентября 2004 г.

Определенный интерес представляет и подход Суда Евразийского экономического сообщества (Суд ЕврАзЭС). Основываясь на положении п. 1 ст. 13 Статута Суда, возлагавшего на Суд задачу по обеспечению единообразного применения Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. и других заключенных в рамках ЕврАзЭС международных договоров и принимаемых органами ЕврАзЭС решений¹, Суд в постановлении от 8 апреля 2013 г. указал, что его решение действует применительно не только к лицам, участвующим в деле, но и к неограниченному кругу лиц (*erga omnes*), и постановил в резолютивной части: «Правоприменительную практику судов государств – членов Таможенного союза... в отношении аналогичных дел привести в соответствие с настоящим решением». Из данного судебного акта следует, что Суд ЕврАзЭС однозначно признал прецедентный характер своих решений.

¹ Действие Статута Суда Евразийского экономического сообщества приостановлено с 1 января 2015 г.

Суд Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС), начавший свою деятельность в 2015 г., также исходит из необходимости следования как собственным правовым позициям, так и позициям Суда ЕвразЭС по ранее вынесенным решениям¹.

Таким образом, судебное нормотворчество весьма активно проявляет себя не только во внутригосударственном, но и в международном праве.

Список литературы

Beckett W.-E. Les questions d'intérêt général au point de vue juridique dans la jurisprudence de la Cour permanente de justice internationale // *Recueil de Cours. Collected courses of the Hague academy of international law.* 1932. Vol. 39. Т. I.

Boulouis J. Droit institutionnel des Communautés européennes. P., 1984.

Capotorti F. Cours general de droit international public // *Recueil de Cours. Collected courses of the Hague academy of international law* 1994-IV. Dordrecht; Boston; L., 1995. Т. 248.

Derlen M., Lindholm J. Characteristics of Precedent: The Case Law of the European Court of Justice in three Dimensions // *German Law Journal.* 2015. Vol. 16. № 5.

Dinh Nguyen Quoc, Dailler P., Pellet A. Droit international public. P., 1980.

Fiore P. Le droit international codifié et sa sanction juridique. P., 1890.

Fitzmaurice D. Hersch Lauterpacht «The Scholar as Judge» // *British Yearbook of International Law* 1961. 1962. Vol. 37.

Jacob M. Precedents and Case-based Reasoning in the European Court of Justice: Unfinished Business. Cambridge, 2014.

Kelsen H. Principles of International Law. N. Y., 1952.

Lasok D., Bridge J. W. Introduction to the Law and Institutions of the European Communities. L., 1982.

Lauterpacht H. The Development of International Law by the International Court. L., 1958.

Lauterpacht H. The Development of International Law by the Permanent Court of International Justice. L., 1934.

Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations. N. Y., 1947.

O'Connell D. P. International Law. L., 1965. Vol. 1.

Pradier-Fodere P. Traité de droit international public européen et américain. P., 1885–1906.

Report of the Inter-Allied Committee on the Future of the Permanent Court of International Justice, 10 February 1944 // *British Parliamentary Papers.* 1944. Misc. № 2. Cmd. 6531.

Scelle G. Essai sur les sources formelles du droit international // *Recueil d'études sur les sources du droit en l'honneur de Francois Geny.* Sirey, 1935 [reprint 1977]. Т. III.

Schwarzenberger G. A Manual of International Law. 5th ed. L., 1967.

The Role and Future of the European Court of Justice / ed. by S. Hadley. L., 1996.

Vellas P. Droit international public. P., 1970.

Weiss A. L'Arbitrage de 1909 entre la Bolivie et le Pérou // *Revue générale de droit international public.* 1910. Vol. 17.

Бекяшев К. А. Правотворчество в международном праве // *Lex Russica.* 2004. № 3.

Буткевич В. Г., Мицик В. В., Задорожний О. В. Міжнародне право. Основи теорії. Київ, 2002.

Верещетин В. С. Международный суд ООН на новом этапе // *Москов. журн. междунар. права.* 2002. № 2.

Виноградов П. Г. Правовой и политический аспекты Лиги Наций // *Россия на распутье: историко-публицистические статьи.* М., 2008.

Голубев Н. Н. Международные третейские суды XIX века. Очерки теории и практики. М., 1903.

Европейское право / под ред. А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. М., 2015.

Захаров Н. А. Курс общего международного права. Пг., 1917.

Интеграционное правосудие: сущность и перспективы / отв. ред. С. Ю. Кашкин, М., 2014.

Исполинов А. С. Прецедент в практике Суда Европейского Союза // *Междунар. правосудие.* 2016. № 3.

Каламкарян Р. А. Международный суд в миропорядке на основе господства права. М., 2012.

Камаровский Л. А. О международном суде. М., 2007.

Камаровский Л. А. Основные вопросы науки международного права. М., 1895.

Капустин А. Я. Европейский Союз: интеграция и право. М., 2000.

¹ Особые мнения судей Нешатаевой Т. Н., Чайки К. Л. по Постановлению Большой коллегии Суда от 17 января 2018 года // URL: <http://courteurasian.org/page-25501>.

Капустин А. Я. Организация Объединенных Наций и развитие современного международного права (к 60-летию ООН) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2005. № 2.

Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. 2007 // СПС «КонсультантПлюс».

Клемин А. В. Европейский союз и государства-участники: взаимодействие правовых порядков (практика ФРГ). Казань, 1996.

Курс международного права. М., 1972.

Курс международного права: в 7 т. М., 1989. Т. 1.

Курс международного права: в 6 т. М., 1967. Т. 1.

Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. М., 1958.

Лукин П. И. Источники международного права. М., 1960.

Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. М., 1996. Т. 1.

Марченко М. Н. Европейский союз и его судебная система. М., 2014.

Оппенгейм Л. Международное право: в 2 т. М., 1948. Т. 1. Полут. 1.

Особые мнения судей Нешатаевой Т. Н., Чайки К. Л. по Постановлению Большой коллегии Суда от 17 января 2018 года // URL: <http://courteurasian.org/page-25501>.

Перетерский И. С. Толкование международных договоров. М., 1959.

Полянский Н. Н. Международный Суд. М., 1951.

Словарь международного права. М., 1986.

Толстых В. Л. Международные суды и их практика. М., 2015.

Топорнин Б. Н. Европейское право. М., 1998.

Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970.

Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2009.

Уляницкий В. А. Международное право // Золотой фонд российской науки международного права: в 3 т. М., 2010. Т. 3.

Фердросс А. Международное право. М., 1959.

Хадсон М. О. Международные суды в прошлом и будущем. М., 1947.

Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества. М., 1998.

Циммерман М. А. Очерки нового международного права. Прага, 1924.

Черниченко С. В. Теория международного права: в 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М., 1999.

Энтин М. Л. Суд европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987.

References

Beckett W.-E. Les questions d'intérêt général au point de vue juridique dans la jurisprudence de la Cour permanente de justice internationale // Recueil de Cours. Collected courses of the Hague academy of international law. 1932. Vol. 39. T. I.

Bekeyashev K. A. Pravotvorchestvo v mezhdunarodnom prave // Lex Russica. 2004. № 3.

Boulouis J. Droit institutionnel des Communautés européennes. P., 1984.

Butkevich V. G., Mitsik V. V., Zadorozhnyi O. V. Mizhnarodne pravo. Osnovi teorii. Kiïv, 2002.

Capotorti F. Cours general de droit international public // Recueil de Cours. Collected courses of the Hague academy of international law 1994-IV. Dordrecht; Boston; L., 1995. T. 248.

Chernichenko S. V. Teoriya mezhdunarodnogo prava: v 2 t. T. 1: Sovremennye teoreticheskie problemy. M., 1999.

Derlen M., Lindholm J. Characteristics of Precedent: The Case Law of the European Court of Justice in three Dimensions // German Law Journal. 2015. Vol. 16. № 5.

Dinh Nguyen Quoc, Dailler P., Pellet A. Droit international public. P., 1980.

Entin M. L. Sud evropeiskikh soobshchestv: pravovye formy obespecheniya zapadnoevropeiskoi integratsii. M., 1987.

Evropeiskoe pravo / pod red. A. I. Abdullina, Yu. S. Bezborodova. M., 2015.

Ferdross A. Mezhdunarodnoe pravo. M., 1959.

Fiore P. Le droit international codifié et sa sanction juridique. P., 1890.

Fitzmaurice D. Hersch Lauterpacht «The Scholar as Judge» // British Yearbook of International Law 1961. 1962. Vol. 37.

Golubev N. N. Mezhdunarodnye treteiskie sudy XIX veka. Ocherki teorii i praktiki. M., 1903.

Integratsionnoe pravosudie: sushchnost' i perspektivy / otv. red. S. Yu. Kashkin, M., 2014.

- Ispolinov A. S.* Precedent v praktike Suda Evropeiskogo Soyuza // *Mezhdunar. pravosudie.* 2016. № 3.
Jacob M. *Precedents and Case-based Reasoning in the European Court of Justice: Unfinished Business.* Cambridge, 2014.
- Kalamkaryan R. A.* *Mezhdunarodnyi sud v miroporyadke na osnove gospodstva prava.* M., 2012.
Kamarovskii L. A. *O mezhdunarodnom sude.* M., 2007.
Kamarovskii L. A. *Osnovnye voprosy nauki mezhdunarodnogo prava.* M., 1895.
Kapustin A. Ya. *Evropeiskii Soyuz: integratsiya i pravo.* M., 2000.
Kapustin A. Ya. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii i razvitie sovremennogo mezhdunarodnogo prava (k 60-letiyu OON) // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Yurid. nauki.* 2005. № 2.
Kashkin S. Yu., Chetverikov A. O. *Evropeiskii soyuz: osnovopolagayushchie akty v redaktsii Lissabonskogo dogovora s kommentariyami.* 2007 // SPS «Konsul'tantPlyus».
- Kelsen H.* *Principles of International Law.* N. Y., 1952.
Khadson M. O. *Mezhdunarodnye sudy v proshlom i budushchem.* M., 1947.
Khartli T. K. *Osnovy prava Evropeiskogo soobshchestva.* M., 1998.
Klemin A. V. *Evropeiskii soyuz i gosudarstva-uchastniki: vzaimodeistvie pravovykh poryadkov (praktika FRG).* Kazan', 1996.
- Kurs mezhdunarodnogo prava.* M., 1972.
Kurs mezhdunarodnogo prava: v 6 t. M., 1967. T. 1.
Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t. M., 1989. T. 1.
- Lasok D., Bridge J. W.* *Introduction to the Law and Institutions of the European Communities.* L., 1982.
Lauterpacht H. *The Development of International Law by the International Court.* L., 1958.
Lauterpacht H. *The Development of International Law by the Permanent Court of International Justice.* L., 1934.
- Levin D. B.* *Osnovnye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava.* M., 1958.
Lukin P. I. *Istochniki mezhdunarodnogo prava.* M., 1960.
Marchenko M. N. *Evropeiskii soyuz i ego sudebnaya sistema.* M., 2014.
Martens F. F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov: v 2 t.* M., 1996. T. 1.
Nussbaum A. *A Concise History of the Law of Nations.* N. Y., 1947.
O'Connell D. P. *International Law.* L., 1965. Vol. 1.
Oppenheim L. *Mezhdunarodnoe pravo: v 2 t.* M., 1948. T. 1. Polut. 1.
Osobyе mneniya sudei Neshataevoi T. N., Chaiki K. L. po Postanovleniyu Bol'shoi kollegii Suda ot 17 yanvarya 2018 goda // URL: <http://courteurasian.org/page-25501>.
- Pereterskii I. S.* *Tolkovanie mezhdunarodnykh dogovorov.* M., 1959.
Polyanskii N. N. *Mezhdunarodnyi Sud.* M., 1951.
Pradier-Fodere P. *Traité de droit international public européen et américain.* P., 1885–1906.
Report of the Inter-Allied Committee on the Future of the Permanent Court of International Justice, 10 February 1944 // British Parliamentary Papers. 1944. Misc. № 2. Cmd. 6531.
Scelle G. *Essai sur les sources formelles du droit international // Recueil d'études sur les sources du droit en l'honneur de Francois Geny.* Sirey, 1935 [reprint 1977]. T. III.
Schwarzenberger G. *A Manual of International Law.* 5th ed. L., 1967.
Slovar' mezhdunarodnogo prava. M., 1986.
The Role and Future of the European Court of Justice / ed. by S. Hadley. L., 1996.
Tolstykh V. L. *Mezhdunarodnye sudy i ikh praktika.* M., 2015.
Topornin B. N. *Evropeiskoe pravo.* M., 1998.
Tsimmerman M. A. *Ocherki novogo mezhdunarodnogo prava.* Praga, 1924.
Tunkin G. I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava.* M., 1970.
Tunkin G. I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava.* M., 2009.
Ulyanitskii V. A. *Mezhdunarodnoe pravo // Zolotoi fond rossiiskoi nauki mezhdunarodnogo prava: v 3 t.* M., 2010. T. 3.
Vellas P. *Droit international public.* P., 1970.
Vereshchetin V. S. *Mezhdunarodnyi sud OON na novom etape // Moskov. zhurn. mezhdunar. prava.* 2002. № 2.
Vinogradov P. G. *Pravovoi i politicheskii aspekty Ligi Natsii // Rossiya na rasput'e: istoriko-publitsisticheskie stat'i.* M., 2008.
Weiss A. *L'Arbitrage de 1909 entre la Bolivie et le Pérou // Revue générale de droit international public.* 1910. Vol. 17.
Zakharov N. A. *Kurs obshchego mezhdunarodnogo prava.* Pg., 1917.